

ВОСПОМИНАНИЯ
О
НИКОЛАЕ
КАЛЛИНИКОВИЧЕ
ГУДЗВИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1968

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ КНИГИ

Имя Гудзия как-то сразу стало широко известно с 1938 года после появления его учебника по истории древнерусской литературы для высших учебных заведений. Этот учебник в свое время произвел на всех огромное впечатление. Это была струя свежего воздуха, ворвавшаяся в наше литературоведение. Людям, не помнящим времени вульгарного социологизма, трудно сейчас понять, почему таким радостным событием был учебник Н. К. Гудзия. Вульгарный социологизм прошел, не оставив по себе значительных следов в науке, и поэтому кажется, что это было мимолетное, малозначительное течение, мода, поветрие. Ведь редкие крупные литературоведы решались писать в этом духе. Но противоречить этой тенденции было трудно.

И вдруг вышел учебник, в котором о литературе, да еще древнерусской, говорилось нормальным человеческим голосом. Там были человеческие слова о человеческих произведениях.

Помню, как я впервые услышал об этом учебнике. Перед войной на стрелке Васильевского острова был еще один академический книжный магазин, кроме магазина на Менделеевской линии. Он помещался в парадной Музея этнографии и антропологии. Там торговали не только академической книгой. Продавщицы доставали и разные гослитиздатовские редкости. Я работал тогда в Издательстве Академии наук, но был уже знаком с Григорием Александровичем Гуковским. Я встретил его на улице. Он почти бежал. На ходу он объяснил мне, что вышел учебник Гудзия, который обязательно надо купить. Гудзий говорил обычные вещи. Но как это было необычно!

После войны в одном из толстых журналов (кажется, в «Новом мире») появился роман из жизни студентов-филологов Московского университета. Там был изображен профессор-литературовед, который на лекциях, внезапно отвлекаясь от темы занятий, вспоминал стихи и с полной непосредственностью вместе со студентами хороших декламировал. Все узнали в этом профессоре Гудзия. Он любил литературу больше, чем свои лекции о ней. Это тоже было необычайно. И вместо того, чтобы читать лекции о поэзии, он иногда читал самую поэзию: то, что нравилось, то, что помнилось, и то, что хотелось.

И стихи, нравившиеся Николаю Каллиниковичу, не были выисканными, не демонстрировали его необычный вкус. Это были обычные стихи, нравившиеся всем.

В 1955 или 1956 году он был в Шотландии. Мне рассказывали о посещении им правнучек Вальтера Скотта в их замке, около Эдинбурга. Его встретили две старушки. Николай Каллиникович удивился: мне кажется, что правнучки должны быть маленькими девочками! Старушки подхватили тон Николая Каллиниковича и выразили сожаление, что они не подходят ему по возрасту. Напротив, возразил Николай Каллиникович, вы вполне моего возраста. Через полчаса он с ними танцевал и танцевал за двоих — вернее, с двоими. Он совершенно очаровал англичан.

Студенты Эдинбургского университета через несколько лет прислали ему теплый плед на память о себе.

Он всегда интересовался тем, что представляет собой ученый в человеческом отношении. Он не терпел карьеристов, интриганов и чиновников, не терпел дурного отношения к людям. И огорчался, когда слышал о людях дурное. Неудача людей, которых он не любил, его не радовала. Ему не доставляло удовольствия услышать дурное о человеке. В нем не было ни на каплю злорадства. Он был всегда на стороне обижаемых. Он стремился к справедливости — в отношении живых и мертвых. Память ученого была для него священна. Он искренне страдал, когда нельзя было заступиться за А. Н. Веселовского. А когда стало возможно, — он один из самых первых выступил в «Литературной газете» со статьей «Забытые имена». То, что он говорил, часто было самым обыкновенным. Но именно это обыкновенное, сказанное во время, действовало как выстрел.